

Н. Г. Зайцева, О. Ю. Жукова

**«ГОВОРИТЬ» ПО-ВЕПСКИ:
ИМЕНОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ГЛАГОЛОВ РЕЧИ
В ЯЗЫКЕ ВЕПСОВ**

(лингвогеографический и семантико-этимологический аспекты)¹

Вепсский язык в последние годы активно изучают с точки зрения лингвистической географии. В рамках данной методики актуализируются различные проблемы вепсской лингвистики, и прежде всего – лексика и семантика. Настоящая статья посвящена рассмотрению глаголов речи вепсского языка, их мотивационному и этимологическому анализу. С точки зрения семантики глаголы речи представлены в статье в следующих группах: 1) говорить довольно продолжительное время с ожиданием возможного ответа (*pagišta, lodeita / lobaata, bast'a / basida*); 2) говорить кратко, чаще без ожидания ответа (*sanuda/sanda; virkta*); 3) говорить более высоким тоном без ожидания ответа (*kirkta, heikta, värskatada, kriknida*); 4) говорить пустяки, пустословить, болтать (*vahtostada, vahtaita, bul'butada, buleita (bul'aita), bul'uda, pärpätada, tötötada, lollotada, tängotada, häblätada*); 5) говорить, произносить заговоры, молитвы (*puhuda, puiteida, loita*). Большая часть вепсских глаголов речи – прибалтийско-финское наследие (*pagišta, sanuda, virkta, kirkta, bul'aita, tötötada, lollotada*); отдельные являются вепскими инновациями (*vahtostada, vahtaita*) или заимствованиями из русского языка (*bast'a, buhvostida, lodaita*), некоторые пока не поддаются этимологизации (*tängotada, häblätada*). В качестве мотивов возникновения глаголов данной семантики выступают, прежде всего, звукоподражательность (*pagišta* «говорить» < гул, шум, звучание речи < звук, напоминающий шум ветра; *puhuda* «говорить» < выдувать слова < выдувать заклинания < выдувать семена изо рта), а также метафоры (бульканье, бултыхание воды, пена на воде – основание для возникновения глаголов с семантикой «болтать, пустословить, говорить вздор»: *bul'butada, buleita, bul'uda, vahtostada, vahtaita*) и фольклор (*sanuda, puiteida, loita* и т.д.). Особенностью вепсских глаголов речи является употребление их в паре, составляющей глагольный бином, который придает особую динамику и выразительность описанию говорения (*pagišta papatada* букв. «разговаривать + говорить, беседовать»; *lodeita loglotada* букв. «говорить + болтать, не умолкая»; *pagišta räpätada* букв. «говорить + трещать без умолку» и т.д.).¹

Ключевые слова: прибалтийско-финские языки, вепсский язык, лексика, глаголы речи, этимология, семантика, номинация, дескриптивность, мифология, лингвофольклористика.

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-376-388

Диалектологические и лингвогеографические исследования в настоящее время исключительно популярны как в финно-угорском, так и в прибалтийско-финском языкознании. В XX в. подготовлены прекрасные диалектологические атласы. Среди них можно отметить ди-

¹ Статья подготовлена в рамках госзадания КарНЦ РАН. Авторы выражают искреннюю благодарность гл. инженеру по информационным технологиям ИЯЛИ КарНЦ РАН Н. Л. Шибановой за помощь в технической подготовке лингвистических карт.

алектологический атлас финского языка Лаури Кеттунена [Kettunen 1930–1940], диалектологический атлас эстонского языка Андруса Саарестэ [Saareste 1938, 1941], диалектологический атлас карельского языка, вдохновителем создания которого и специалистом, определившим картографируемые явления, был отечественный лингвист, член-корреспондент АН СССР Д. В. Бубрих. Важное место в этом списке мы отводим трехтомному «Лингвистическому атласу прибалтийско-финских языков», подготовленному международным коллективом авторов в 2000-е гг. [ALFE 2004, 2007, 2010], в котором довольно широко представлены также вепские материалы. В 2019 г. вышел в свет и «Лингвистический атлас вепского языка» [ЛАВЯ 2019]. В качестве современного образца диалектологического атласа назовем также обширный «Диалектологический атлас удмуртского языка», несколько томов которого уже увидели свет и широко используются в финно-угорском мире [Насибуллин 2009–2015], что способствует развитию метода лингвистической географии. Практически все атласы, за исключением атласа карельского языка², кроме своего основного диалектологического материала и карт его распространения, содержат в той или иной степени комментарии к ним разного характера: этимологического, семантического, мотивационного. Это позволяет говорить о становлении и укреплении семантического направления исследований прибалтийско-финских языков, которое по сравнению с семантическими отечественными школами, такими как Московская, Новосибирская и т.д., несколько отставало.

В прибалтийско-финском языкознании в фокусе пристального внимания специалистов всегда были именно этимологические исследования, также проливающие свет на семантику и мотивацию. Основы этимологического метода заложены еще в XIX столетии финно-угроведами Финляндии, проявлявшими пристальное внимание к исторической фонетике и морфологии прибалтийско-финских языков. Это позволило последовательно подойти к исследованиям этимологического характера. В настоящее время созданы великолепные этимологические словари финского и эстонского языков, где можно найти сведения обо всей группе родственных языков, если данные этих языков были в определенной степени доступности для составителей этимологических словарей [SKES 1955–1981, SSA 1992–2000, Häkkinen 2007, Mägiste 1983, EES 2012].

В отношении исследований семантики и мотивации хотелось бы, прежде всего, обратить внимание на «Лингвистический атлас прибалтийско-финских языков» [ALFE 2004, 2007, 2010], который не очень известен в отечественной науке³. В нем представлен лингвистический материал из 259 пунктов (финский – 185, карельский – 29, вепский – 7, ижорский – 3, водский – 3, эстонский – 30, ливский – 2), что позволило вести их широкое сравнение. В данный атлас были включены различного рода карты, имеющие непосредственное отношение, в том числе к исследованию семантики и мотивации. В лингвистическом атласе вепского языка [ЛАВЯ 2019] также содержится значительное количество карт с комментариями различного характера.

Цель данной статьи – обращаясь, прежде всего, к материалам атласов и их ресурсам, а также используя иную научную литературу, осветить некоторые моменты семантики и мотивации, касающиеся глаголов речи в диалектах вепского языка.

В вепском языке, который является языком малочисленного народа Российской Федерации⁴, существуют три диалекта (карта 1), которые в связи с работой по подготовке «Лингвистического атласа вепского языка» в 2000-е гг. особенно активно исследовали как в полевых условиях, так и в архивах. В Фонограммархиве Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН хранится более 400 часов магнитофонных записей вепской речи из разных мест проживания

² При этом атлас карельского языка, созданный под руководством Бубриха Д. В. и не обладающий дополнительными к картам комментариями, является совершенно уникальным по густой сетке языкового материала, которая представляет исторический языковой срез первой половины XX в.; и чуть ли не половины населенных пунктов, нанесенных на карты атласа, уже нет. Особенно эти материалы ценны для самого малочисленного наречия карельского языка – людиковского, находящегося на грани исчезновения.

³ Отметим, что атлас выполнен на финском языке, однако он содержит переводы комментариев на эстонский, немецкий и русский языки и таким образом оказывается доступным многим специалистам.

⁴ По переписи 2010 г. вепсов – 5936 человек [Строгальщикова 2016, 13-14].

вепсов, а в электронных ресурсах [Корпус; ВепКар] можно познакомиться как с образцами вепсской диалектной речи, так и с рукописными текстами разного содержания: этнографического, фольклорного, литературно-художественного, переводного.

Карта 1. Вепсские территории и расположение диалектов вепсского языка [ЛАВЯ 2019, 9]

Глаголы речи и их специфика

Глаголы речи в разных языках и языковых группах привлекают внимание исследователей важностью самой семы, связанной с говорением, что является одной из главных составляющих языка. Конечно, вепсский язык не обладает таким количеством глаголов с семантикой речи, как русский язык [см. напр. Ермолаева 2017, 362–375], тем не менее и в нем можно найти для обозначения процесса говорения различные единицы речи, которые так или иначе передают искомое значение.

В данной статье, кроме передачи самого значения «говорить», мы будем обращать внимание на широту употребления глаголов в диалектах вепсского языка, в некоторых случаях сопровождая это лингвистической картой⁵, показывающей устойчивость функционирования единицы речи в вепсских диалектах. По возможности мы стремились выявить этимологию и мотивацию появления исследуемой единицы. Этому аспекту вепсского языка в последнее время посвящено значительное количество статей в научных журналах «Linguistica Uralica», «Вопросы языкознания», «Финно-угорский мир», «Язык и культура», «Научный диалог», «Вестник угроведения» и др.

Отметим, что речь прибалтийско-финских народов, среди них и вепсов, довольно, если так можно выразиться, «глагольна». Это связано как с глагольной лексикой, множеством слово-

⁵ В статье три первые группы глаголов сопровождаются лингвистическими картами, остальные даны описательно, поскольку материал по атласу для них был собран по разным причинам не в полном объеме.

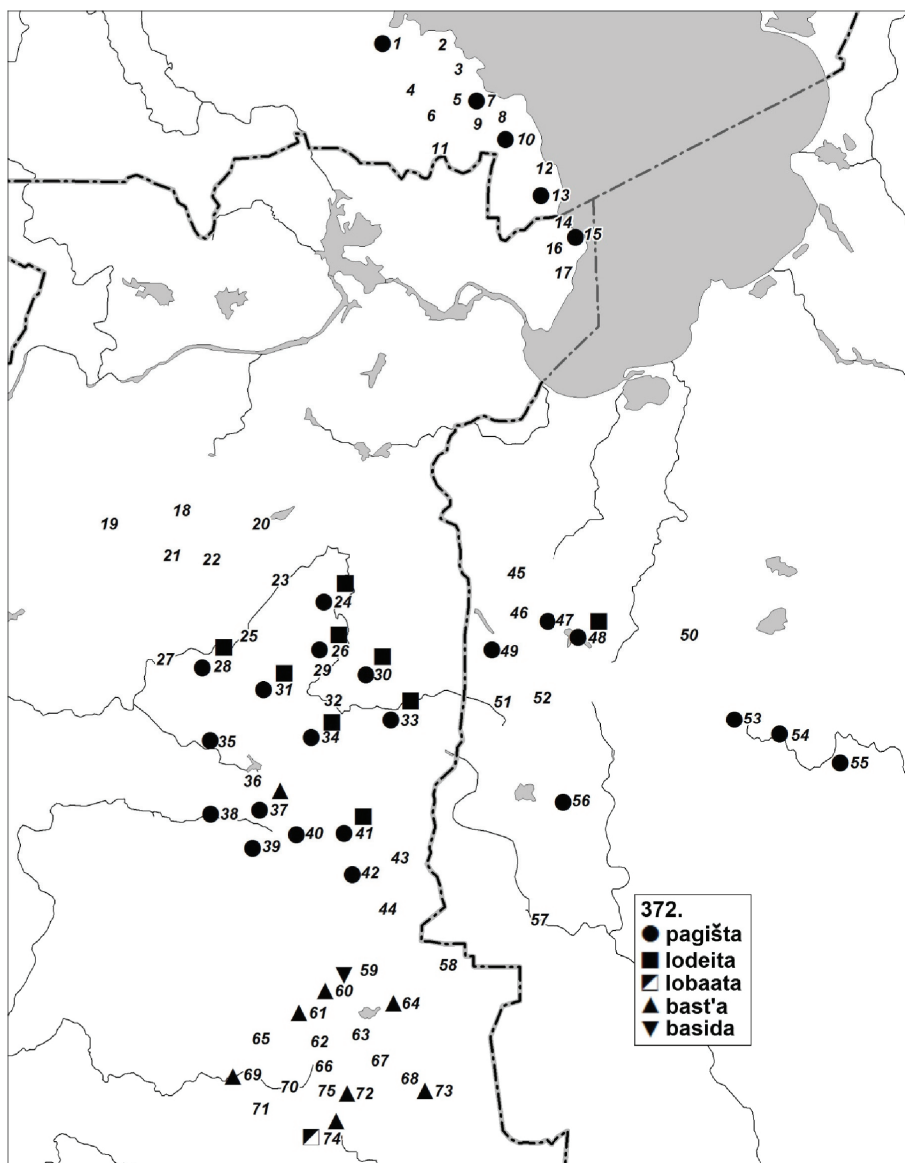

образовательных суффиксов, так и с наличием четырех времен глагола, которые именно в вепском языке выступают не только в индикативе, но даже и в кондиционале, действие которого условно, ирреально, лишь предполагаемо. Но и в этом случае вепский стремится конкретизировать глагольное значение кондиционала презенсом, имперфектом, перфектом и плюсквамперфектом, а также и основным, и возвратным спряжениями. Если возвратность в русском языке обозначается частицей *-ся* (*-сь*), то в вепском языке функционирует возвратное спряжение, обладающее особыми лично-числовыми окончаниями и всей системой времен и наклонений, как и основное спряжение, что наращивает глагольную составляющую вепского языка [Зайцева 2002].

Группы глаголов речи в вепском языке

Глаголы речи для анализа мы разместили в группах, где они обладают семантически близкими, хотя и не полностью синонимичными значениями.

1). **Глаголы с семантикой** «говорить более продолжительно, возможно, с ожиданием ответа, продолжения разговора, беседы»: *pagišta*, *lodeita* / *lobaata*, *bast'a* / *basida*.

Карта 2. Глаголы с семантикой «говорить довольно продолжительное время с ожиданием возможного ответа»

Здесь наиболее употребительны три глагола, которые были представлены лингвистической картой в ЛАВЯ [ЛАВЯ 2019, 508–512]. Среди них наиболее распространен глагол *pagišta*. Он объединяет собой два диалектных ареала: северновепский и средневепский. Этот глагол считается типичным восточноприбалтийско-финским явлением. Относительно происхождения глагола *pagišta* существует предположение, что ранее в праязыке его семантика была мотивированной, вполне возможно, что он отражал звук, напоминающий шум ветра [Häkkinen 2007, 857]. Позднее им стали обозначать и гул, шум, звучание речи.

Глагол *lodeita* характеризуется более локальным бытованием: он свойствен, прежде всего, западным средневепским говорам. В СВЯ он отмечен и в южновепском говоре с. Радогощ (Ars) в форме *lobaata* и включен в одну словарную статью как вариант глагола *lodeita* [СВЯ 1972, 294]. В ЛАВЯ мы также рассматриваем *lobaata* в качестве фонетического варианта глагола *lodeita*. В свое время авторы ALFE [ALFE 2010, 320] не включили вепский глагол *lodeita* в список картографируемых глаголов со значением ‘говорить’, посчитав его семантику не до конца выясненной. Информанты же «Лингвистического атласа вепского языка» настойчиво указывали рядом глаголы *pagišta* и *lodeita*, настаивая на их синонимичности, что позволило на материале одного языка более точно разобраться в семантике и внести глагол *lodeita* в список картографирования.

Семантическая близость этих глаголов подтверждается и фольклорными материалами. В тексте причитаний, древнейшего жанра устно-поэтического творчества вепсов, глаголы часто подбирались в пары по синонимичному принципу, что относится и к глаголам речи. В этом случае одним из устойчивых сочетаний стал глагольный бином *pagišta i lodeita* «говорить и беседовать». Дочь обращается к умершей матери: *Tule-ške, pagizemei i lodeidamei* «приди-ка, поговорим и побеседуем» [Жукова 2015, 103]. Выскажем осторожное предложение о возможном включении вепского глагола *lodeita* в этимологическую статью *laatia* ‘делать, готовить; говорить, беседовать’ [SSA 1995, 33]. Глагол *laatia* в прибалтийско-финских языках является заимствованием из русского языка, где он обладал некогда также и значением ‘говорить’: рус. *ладить* ‘организовывать, готовить, собирать; намереваться; договариваться; говорить (твердить, долбить)’ [SSA 1995, 33]. В настоящее время в русских народных говорах значение ‘говорить’ у обсуждаемой лексики в значительной степени размыто и практически утрачено (ср. *ладить* ‘договариваться, улаживать; уговаривать кого-либо...’ [СРНГ 1980, 231]).

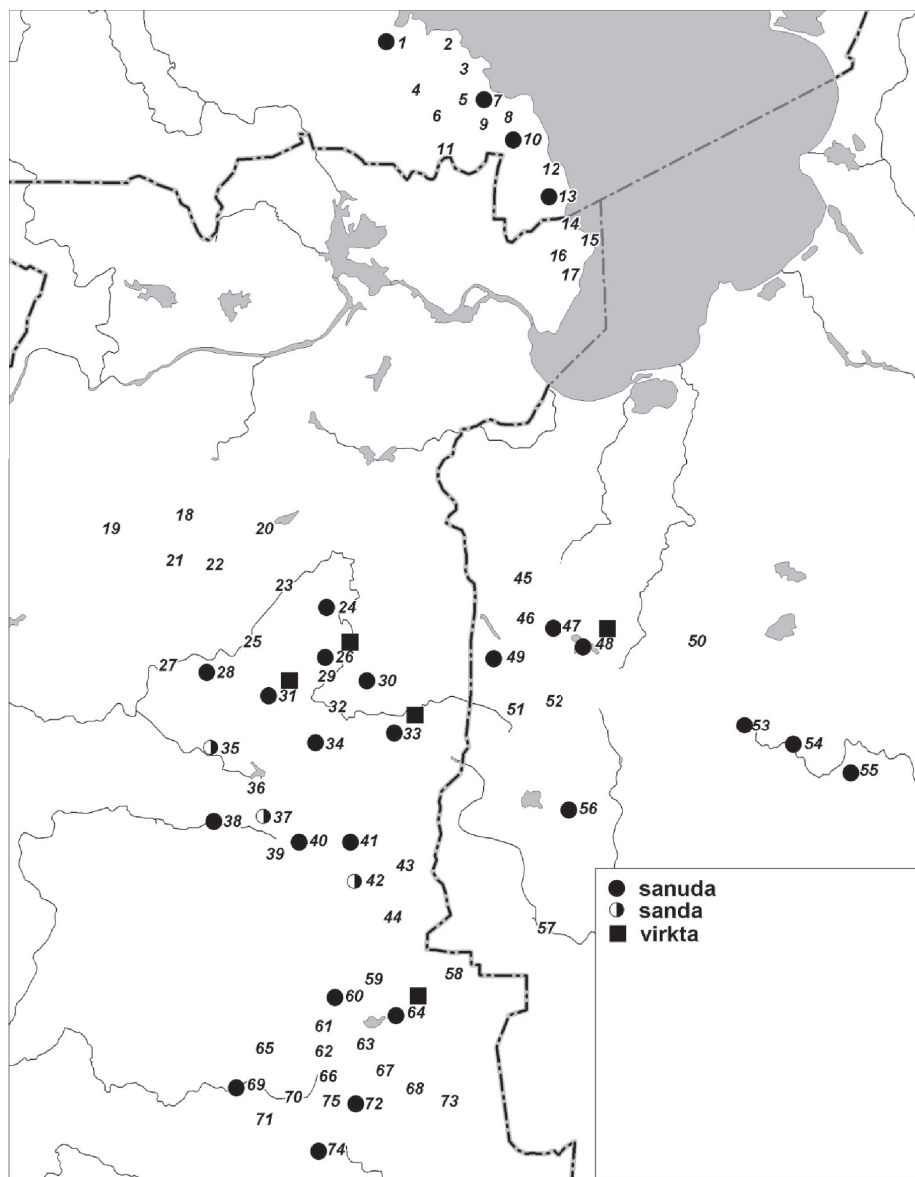
Южновепский глагол *bast'a* (и его вариант *basida*) является русским диалектным заимствованием (< рус. диал. *басить* ‘говорить много; говорить, разговаривать’ [СРНГ 1966, 130]; см. также *басить* ‘занимать в беседе других, потешать рассказнями’, что считают ранним древнерусским образованием [Аникин 2008, 247]). Данное заимствование не стало общевепским, хотя его удалось зафиксировать еще Л. Кеттунену [VVS] в начале XX в. также и в средневепской деревне Корбиничи (Kor).

2). **Глаголы с семантикой** «говорить кратко, чаще без ожидания ответа»: *sanuda/sanda; virkta*.

Глагол *sanuda* (см. карта 3) – общевепское наследие прибалтийско-финского языка-основы. Глагол является производным существительного *sana* ‘слово’ [SSA 2000: 155], у которого в ряде языков и сейчас сильна связь с мифологией, и оно может в определенном контексте обладать значением «заговор». Как утверждают и этимологи, и фольклористы, влияние силы слова на деяния – это важная сторона прибалтийско-финской народной культуры [SSA 2000, 153–154; Häkkinen 2007, 1121].

Глагол *virkta* в этом ряду менее популярен, характеризует лишь средневепские западные говоры. Он является, по всей вероятности, восточноприбалтийско-финской лексемой, поскольку его функционирование не распространяется на эстонский и ливский языки и практически отсутствует в водском. В настоящее время употребление глагола *virkta* в вепском языке значительно расширилось благодаря появлению вепсоязычных изданий: газеты «*Kodima*» (Родная земля) и литературно-художественного альманаха «*Verez tullei*» (Свежий ветер), а также учебников и художественной литературы. От него произведено по нормам вепского словообразования существительное *virkeh* «выражение, фраза», что повлияло и на семантику самого глагола *virkta*,

расширив ее. В существительном *virkeh* предполагается некая часть предложения, небольшое высказывание и т.д. Судя по внешнему виду, глагол, скорее всего, является дескриптивным, обозначающая также некое движение воздуха при произношении.

Карта 3. Глаголы с семантикой «говорить кратко, чаще без ожидания ответа»

3). **Глаголы с семантикой** «говорить более высоким тоном без ожидания ответа»: *kirkta*, *heikta*, *värškahtada*, *kriknida*.

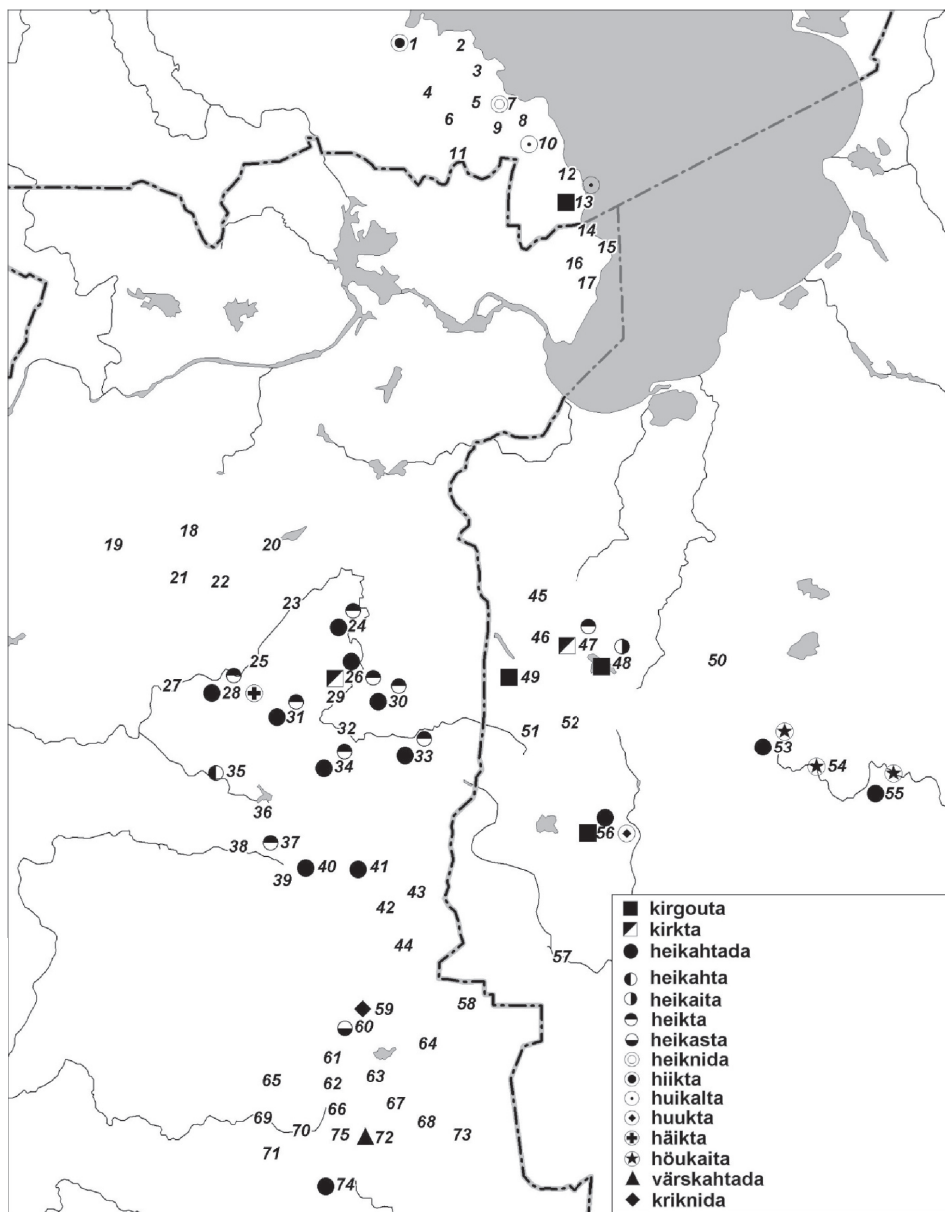
Количество фонетических вариантов данной группы, представленных на лингвистической карте (карта 4), возросло за счет глагола *heikta*, который по диалектам и говорам обладает множеством фонетических и словообразовательных вариантов (*heikahtada*, *heikaita*, *heiknida*, *hiikta*, *huikalta*, *huukta*, *häikta*, *höukaita*), свидетельствуя о его частом употреблении.

Глаголы *kirkta*, *heikta* по своей мотивации, как считают авторы этимологических словарей, являются ономатопоэтическими или дескриптивными, ведут начало из прибалтийско-финского языка-основы и известны почти всем родственным языкам [SSA 1992, 151, 370].

Южновепский глагол *värškahtada* не совсем понятен. В вепском языке имеется глагол *värišta* «плакать», который в родственных прибалтийско-финских языках, признаваясь дескрип-

тивным, обладает значением «трястись, щелкать зубами и т.д.» (см. *väristä* [SSA 2000, 483]). В вепском он приобрел значение «плакать» и, очевидно, «говорить плача, вздрагивая». Возможно, он вошел из прибалтийско-финских языков и в северорусские говоры со значением «что-то говорить» в форме *вяркать* «ворчать», *вярайндать* «неотступно просить что-либо» [СРНГ 1970, 79]. При сборе материала данный глагол был зафиксирован только в одном южновепском пункте. Полагаем, что он мог быть вновь заимствованным уже из русских народных говоров в южновепский в значении «говорить плача».

И здесь же в южновепском отмечен заимствованный из русского языка глагол *kriknida* (< рус. *крикнуть*), который конкретизирует передачу информации – «сказать громко, крикнуть».

Карта 4. Глаголы с семантикой «говорить более высоким тоном без ожидания ответа»

4). **Глаголы с семантикой** «говорить пустяки, пустословить, болтать»: *vahtostada*, *vahtaita*, *bul'butada*, *buleita* (*bul'aita*), *bul'uda*, *pärpätada*, *tötötada*, *lollotada*, *tängotada*, *häblätada*.

Полагаем, что большая часть из этого достаточно обширного списка – дескриптивные глаголы, которые не удалось собрать в полном объеме более представительно для ЛАВЯ, что не по-

зволило включить его в атлас. Тем не менее, хочется привлечь внимание к данной группе глаголов, поскольку и они активно участвуют в передаче семантики речи.

Глагол *vahtostada* и связанный с ним *vahtaita* употребительны в средне- и южновепских говорах, как свидетельствуют и собранный нами материал, и корпус вепской лексики финского лингвиста-вепсолога Л. Кеттунена [VVS]. В известных этимологических словарях подобные глаголы не содержатся. Мы полагаем, что эти глаголы связаны по происхождению с существительным *vaht* 'пена; накипь' (ср. фин. *vaahto* с идентичным значением, которое, по предположениям, является древнегерманским заимствованием со значением «моющее вещество; щелок» [SSA 2000, 382]). В этом случае мотивом для образования глаголов мог послужить внешний вид явления – пениться, быть на поверхности типа пузырей, лопаться, разбрызгиваясь во все стороны.

Думается, что мотив близок к другим глаголам с этой же семантикой: *bul'butada*, *buleita* (*bul'aita*), *bul'uda*. Глаголы семантически основаны на метафоре, отражающей схожесть бульканья, бултыхания воды с болтанием и пустословием человека. Их относят к этимологической группе звукоподражательных прибалтийско-финских глаголов *pulista*, *pulata*, *pulajaa* «плескаться (в воде), бултыхаться» [SSA 1995, 420–421], где отмечен также и вепский глагол *bul'aita* с указанием двух значений: «плескаться (о воде)» и «говорить, болтать» [SSA 1995, 420]. Таким образом, разбрызгивание, негромкость, неотчетливость говорения стали своеобразным внешним камуфляжем для пустословия, болтовни, пустяков. В свою очередь, фиксация русских диалектных форм *буляндать*, *булендять* с семантикой «говорить непонятно, невразумительно; говорить глупости, несурзности» [СРНГ 1968, 270] на территории бывшей Олонецкой губернии – это возможное заимствование из прибалтийско-финских языков.

К рассматриваемой группе относится и встречающийся во всех диалектах вепского языка звукоподражательный глагол *tötötada* «говорить глупости, болтать, тараторить» [СВЯ 1972, 596], который выступил производным для прозвища *tötö*, *tötöskin* «болтун». Этимологи соотносят названные вепские лексемы с глаголом *tötöttää* «дуть через трубочку или воронку» [SKES 1975, 1509], возводя их к слову *töttö* «берестяная или деревянная трубочка» [SKES 1975, 1508]. Таким образом, выстраивается интересная семантическая параллель в близкородственных языках, где обсуждаемые глаголы обозначают процесс дуновения и процесс говорения. Это, с одной стороны, свидетельствует о физиологической близости производимого действия, с другой – о возможной примарности значения «дуть, выдувать».

Звукоподражательное происхождение имеет также глагол *pärpätada* «болтать, пустословить»: *Ala pärpäta* «не говори глупости». Он обладает соответствиями в близкородственных языках: финское *pärpättää* с вариантами значений «болтать, пустословить, сплетничать, говорить громко и быстро» [SKES 1962, 685]. Вероятно, глагол послужил основой для русского диалектного *парпатать* «делиться с кем-либо своим горем, своей бедой» [СРНГ 1990, 242].

Примечательна лексема *lollotada* «болтать», не попавшая в диалектный словарь вепского языка, но зафиксированная в ходе полевых экспедиций у западной группы вепсов. Существование прозвища *lolločei* «болтун, болтушка», образованного от глагола, указывает на его не столь единичное проявление. В карельском языке также встречается глагол *lollottua*, обозначающий процесс говорения, пения или плача, происходящего громко, звучно [Федотова 2002, 90]. Можно высказать предположение об общности происхождения этих глаголов с эстонским, водским *lollo* «глупый, чудаковатый» и финским *lollu*, *lollo* с семантикой «назидательно-шутливого обращения к ребенку» [SKES 1958, 302].

Глаголы *tängotada*, *häblätada* малоупотребительны, они включены в диалектный словарь вепского языка [СВЯ 1972, 139, 593] с названным значением, но при сборе материала для ЛАВЯ не были обнаружены. Тем не менее глагол *tängotada* был отмечен еще и в корпусе вепской лексики Л. Кеттунена [VVS] без каких-либо примеров или объяснений. Это «темные» с точки зрения и этимологии, и мотивации глаголы, хотя в зафиксированных их источниках они были определены как глаголы со значением «говорить пустяки»; вместе с тем, из-за недостатка информации нет возможности более точно определить их семантику. Их внешний вид гово-

рит о том, что, по всей вероятности, это вепские дескриптивные глаголы, практически вышедшие из употребления.

Довольно редкие глаголы, семантически принадлежащие к этой же группе – *buhvostida* и *buheita*, но, тем не менее отмеченные в северно- и средневепском диалектах, являются заимствованиями из русских диалектов: *buhvostida* < рус. диал. *бухвостить* «сплетничать, ябедничать, носить из дома в дом вести» [СРНГ 1968, 322]; *buheita* < рус. диал. *бухать* «болтать вздор; громко говорить» [СРНГ 1968, 321].

5) **Глаголы со специфической фольклорной семантикой** «говорить, произносить заговоры, молитвы»: *puhuda*, *puiteida*, *loita*.

Глагол *puhuda* в этом ряду является наиболее употребительным. Как утверждают этимологи, он относится к группе ономатопоэтических и имеет соответствия как в дальнородственных, так и в близкородственных языках [Häkkinen 2007, 964]. Его наиболее древнее значение, очевидно, – «выдувать что-то изо рта: слюну, семена при посадке (напр., репы)». Постепенно значение стало расширяться, и в круг его функций вошло и выдувать слова изо рта, выдувать заговоры, заклинания. В вепском появилось словосочетание *puhuda puhegid* «говорить (букв. выдувать, дуть) заговоры» [СВЯ 1972, 438]. В финском языке значение глагола *puhua* вышло из сферы мифологии, и глагол приобрел семантику «говорить», а затем возникло большое количество производных как глаголов, так и существительных, вплоть до слова *puhelin* «телефон» (см. *puhua* «говорить» [SSA 1995, 416]). В большинстве же родственных прибалтийско-финских языков, так же, как и в вепском, это слово стало обозначать «дуть вообще (о ветре, о человеке и т.д.)». Данное слово является общевепским; и построить карту невозможно, так как его фонетический облик везде одинаков. Что касается семантики слова, кроме значения «дуть вообще», оно в вепском языке сохранилось и в значении «выдувать семена изо рта», а также широко функционирует в сфере фольклора [СВЯ 1972, 437–438]. Некоторые вепские заговорные тексты обладают именно подобным зачином: *Sur' Sündei sötai, abuta puhegid puhuda* «Великий бог кормилец, помоги заговоры говорить (произнести, сказать)» [Фон. ИЯЛИ КарНЦ РАН №1304, II/3].

Со значением «говорить заговоры, заговаривать» выступает также и глагол *puiteida* (*puitooda*, *piiteida*): *puitooda purendas* «говорить заговор от грыжи, заговаривать грыжу» [СВЯ 1972, 438], от него – *puitoomine* 'заговор', фиксируемый у южных вепсов. Происхождение слова не совсем ясно, и оно отсутствует в этимологических словарях. Попытаемся предположить его связь с глаголом *puitta* «идти верхом, прыгая по деревьям (о белке)», входящим в одно этимологическое гнездо с финским *puittaa* «бежать быстро, удирать» [SSA 1992, 417]. В этом случае интересным представляется упоминание в этимологической словарной статье о том, что данное слово из диалектов финского языка попало в саамский язык, где помимо значения «прыгать (о белке)» имеет семантику «спасаться, **произнося что-то**, в какой-то ситуации». В этом случае напрашивается прямое сопоставление с вепским *puiteida*.

Глагол *loita* «говорить заклинания», по мнению этимологов, является восточноприбалтийско-финским, соответствующим финскому *loitsia*: [Häkkinen 2007: 624; SSA 1995, 88]. Полагают, что лексема *loitsia* (вепс. *loita*) тесно связана с глаголом *luoda* (вепс. *loda*) «что-то делать, производить», напоминая в семантическом развитии глагол *sanuda* (фин. *sanoa*) «говорить», который исторически, как было об этом сказано выше, обладал значением «воздействовать магией слова». В карельском и финском языках глагол *loitsia* и остался в фольклорном окружении. Вепский же ввел в это слово с приходом православия значение «произносить, говорить молитвенные слова, молиться» [Зайцева 2019, 121–136]. Правда, ранее слово было распространено на диалектном уровне лишь в южновепском диалекте, но с развитием младописьменного языка было введено и успешно прижилось в литературном вепском языке [Zaiceva 2010, 225–226].

Заключение

Таким образом, семантический круг глаголов речи в вепском языке не так широк, но он обладает значительным количеством форм, поскольку, как ранее было отмечено, вепский язык

исключительно «глаголен». Группу глаголов речи значительно расширяют звукоподражательные и звукоизобразительные глаголы, которые и в целом составляют самый большой пласт дескриптивной лексики в прибалтийско-финских языках. Их считают абсолютно мотивированными словами, у которых значение вытекает из звуковой формы [Федотова 2002, 5]. Для вепского, как и для родственных прибалтийско-финских языков, характерно употребление рядом с основным глаголом своеобразной пары, в которой второй глагол – дескриптивный, словно описывает звукоподражательно семантику основного глагола. Этому явлению, несомненно, содействовал язык вепских обрядовых причитаний, наиболее специфичного жанра вепского фольклора, что сказалось и на употреблении во многих случаях глаголов речи также в глагольном биноме (напр., *pagišta papatada* букв. «говорить + разговаривать, беседовать»; *lodeita loglotada* букв. «говорить + болтать, не умолкая»; *pagišta räpätada* букв. «говорить + трещать без умолку», *sanuda mäčkahtada* «сказать + пришепнуть»; *sanuda troppahtada* «сказать + хлопнуть» и т.д.), придающем особую динамику и выразительность описанию процесса говорения.

Часть глаголов с семантикой речи являются прибалтийско-финскими по происхождению (напр., *sanuda, pagišta, virkta, kirkta, buleita, lollotada*). Некоторые глаголы затемнены, и на этом этапе их невозможно идентифицировать с данными родственных языков (*tängotada, häblätada*). Как свидетельствует анализ, многие глаголы дескриптивны или входят в разряд оноματοпоэтической лексики (напр., *pagišta*, который, как полагают, исторически отражал звук, напоминающий шум ветра, а позднее стал обозначать и гул, шум, звучание речи). Семантика отдельных глаголов и их этимологии раскрываются с привлечением лингвофольклористики, как это было возможно проанализировать при объяснении мотивов происхождения глаголов *sanuda* < *sana* «слово, заклинание», *puhuda* «произносить заговоры» < дуть, выдувать слова < выдувать семена изо рта при посеве» и т.д. Глаголы типа *bul'butada, buleita (bul'aita), bul'uda, vahtostada, vahtaita* и т.д. семантически основаны на метафоре, соотносящей бульканье, бултыхание воды, возникающую на ней пену с болтанием и пустословием человека.

Несмотря на то, что дескриптивных глаголов с семантикой речи в вепском языке немало, тем не менее появились и заимствования из русских народных говоров (*buhvostida, buheita, bast'a*). Некоторые слова с семантикой речи, отсутствующие в родственных языках, являются вепсизмами (*vahtostada, vahtaita*).

Многие глаголы исследуемой семантической группы остались за пределами данной статьи, поскольку о них был собран скудный материал, не позволяющий их представить необходимым образом. В целом отметим, что мотивы появления глаголов более скрыты, нежели мотивы появления существительных, где легче обнаружить связь с первоисточником номинации, который подтолкнул к появлению слова. И лишь выявление этимологии слов, возможность определения истоков возникновения их в языке, прежде всего, путем контактов, а также построение семантических рядов и использование данных лингвофольклористики позволяют заглянуть в тайны появления их в вепском лексическом тезаурусе.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 2. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 335 с.
- Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В. Диалектологический атлас карельского языка. Хельсинки, 1997. 10 с. + 209 карт.
- ВенКар – Открытый корпус вепского и карельского языков. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/125> (дата обращения: 23.01.2021).
- Ермолаева И. А. Семантическая классификация глаголов речи в русском языке // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 3. С. 362–375.
- Жукова О. Ю. Вепские обрядовые причитания: от поэтики жанра к поэтике слова. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2015. 158 с.
- Зайцева Н. Г. Вепский глагол. Сравнительно-сопоставительное исследование. Петрозаводск: Периодика, 2002. 286 с.

- Зайцева Н. Г. Христианская терминология в контексте вепской лингвистики: вепское vs русское (этимологический и лингвогеографический аспекты) // Язык и культура. № 48. Томск. 2019. С. 121–136.
- Корпус – Корпус вепского языка. URL: <http://vepsian.krc.karelia.ru/about/> (дата обращения: 21.01.2021).
- ЛАВЯ – Лингвистический атлас вепского языка / под ред. Н. Г. Зайцевой. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2019. 573 с.
- Насибуллин Р. Ш. и др. Диалектологический атлас удмуртского языка. Ижевск, 2009–2015. Вып. 1–5.
- СВЯ – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Ленинград: Наука. Ленинградское отд., 1972. 745 с.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Москва – Санкт-Петербург: Наука, 1965–2016. Вып. 1–49.
- Строгальщикова З. И. Вепсы в этнокультурном пространстве Европейского Севера. Петрозаводск: Периодика, 2016. 200 с.
- Федотова В. П. Дескриптивные глаголы в карельском языке. Словарь. Петрозаводск: Периодика, 2002. 168 с.
- Фон. ИЯЛИИ КарНЦ РАН – Фонограммархив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. № 1304, II/3.
- ALFE – Atlas Linguarum Fennicarum. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004, 2007, 2010. Vol. I–III.
- EES – Eesti etimoloogiasõnaraamat. Koostanud ja toimetanud Iris Metsmägi, Meeli Sedrik, Sven-Erik Soosaar. Eesti Keele Instituut, Eesti Keele Sihtasutus. Tallinn, 2012. 792 p.
- Häkkinen K. Nykysuomen etymologinen sanakirja. Juva : WSOY, 2007. 1633 p.
- Kettunen L. Suomen murteet. Vol. I–III. Helsinki, 1930–1940.
- Mägiste J. Estnisches etymologisches Wörterbuch. Helsinki, 1983. Vol. I–XII.
- Saareste A. Eesti murdeatlas. Atlas des parlers estoniens. Vol. I–II. Tartu, 1938, 1941.
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1955–1981. Vol. I–VII.
- SSA – Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000. Vol. 1–3.
- VVS – Kettunen L. Vepsän verkkosanasto [Electronic resource] / L. Kettunen. URL: <http://kaino.kotus.fi/sanat/vepsa/>.
- Zaiceva N. G. Uz' vepsä-venälaine vajehnik. Petrozavodsk: Periodika, 2010. 510 p.

Поступила в печать 07.04.2021.

Зайцева Нина Григорьевна,

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН,
185910, Россия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
e-mail: zng@ro.ru

Жукова Ольга Юрьевна,

доцент кафедры прибалтийско-финской филологии,
Петрозаводский государственный университет,
185910, Россия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33,
e-mail: olgazhukovaveps@mail.ru

N. G. Zaytseva, O. J. Zhukova

**'SPEAK' IN VEPSIAN: NAMES OF SOME VERBS OF SPEECH IN THE VEPSIAN LANGUAGE
(linguo-geographic and semantic-etymological aspects)**

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-376-388

In recent years, the Vepsian language has been actively studied from the point of view of linguistic geography. Various problems of Vepsian linguistics and first of all of Vepsian vocabulary and semantics are presented in the method.

This article is devoted to the consideration of speech verbs of the Vepsian language, their motivational and etymological analysis. From the point of view of semantics, the speech verbs of the Vepsian language are presented in the article in the following groups: speak for a rather long time while waiting for a possible answer (*pagišta, lodeita / lobaata, bast'a / basida*); speak briefly, often without waiting for an answer (*sanuda / sanda; virkta*); speak in a higher tone without waiting for an answer (*kirkta, heikta, värškahtada, kriknida*); talk trifles, babble,

chatter (*vahtostada, vahtaita, bul'butada, buleita, pärpätada, tötötada, lollotada, tängotada, häblätada*); speak, pronounce conspiracies, prayers (*puhuda, puiteida, loita*). Most of the Vepsian verbs of speech are Finnic heritage (*pagišta, sanuda, virkta, kirkta, bul'aita, tötötada, lollotada*), some are Vepsian innovations (*vahtostada, vahtaita*) or borrowings from the Russian language (*bast'a, buodahvita*), some are not yet amenable to etymologization (*tängotada, häblätada*). The motives for the emergence of the verbs of this semantics are, first of all, onomatopoeia (*pagišta* 'to speak' <hum, noise, sound of speech <a sound reminiscent of the noise of the wind; *puhuda* 'to speak' <blow out words <blow out spells <blow out seeds from the mouth), and also metaphors (gurgling, splashing water, foam on the water – the basis for the emergence of verbs with the semantics of 'chatting, babbling, talking nonsense': *bul'butada, buleita, bul'uda, vahtostada, vahtaita*) and folklore (*samuda, puiteida, loita*). A feature of Vepsian speech verbs is their use in a pair that makes up the verbal binomial, which gives a special dynamics and expressiveness to the description of speaking (*pagišta papatada* letters. 'To talk + speak, to converse'; *lodeita loglotada* letters. 'To speak + to talk without stopping'; *pagišta räpätada* letters. 'talk + pop incessantly', etc.).

Keywords: Finnic languages, Vepsian language, vocabulary, verbs of speech, etymology, semantics, nomination, descriptiveness, mythology, linguistic folkloristics.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 3, pp. 376–388. In Russian.

REFERENCES

- Anikin A. E.** *Russkii etimologičeskii slovar'*. Vyp. 2 [Russian etymological dictionary. Issue 2]. M.: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 2008. 335 p. In Russian.
- Bubrich D. V., Belyakov A. A. Punzhina A. V.** *Dialektologičeskii atlas karelskogoazyka* [Dialectological atlas of the Karelian language]. Helsinki, 1997. 10 p. + 209 cards. In Russian.
- VepKar – Otkrytyi corpus vepsskogo i karelskogoazykov* [Open Corpus of Vepsian and Karelian languages]. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/125> (Last accessed: 23.01.2021). In Russian, in Vepsian, in Karelian.
- Ermolaeva I. A.** Semanticheskaya klassifikatsiya glagolov rechi v russkomazyke [Semantic classification of speech verbs in Russian]. *Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura*. 2017. T. 14. Iss. 3. Pp. 362–375. In Russian.
- Zhukova O. Yu.** *Vepsskie obryadovye prichitaniya: ot poetiki zhanra k poetike slova* [Veps ritual lamentations: from the poetics of the genre to the poetics of the word]. Petrozavodsk: KarNC RAN Publ, 2015. 158 p. In Russian.
- Zaytseva N. G.** *Vepskiyi glagol. Sravnitelno-sopostavitelnoye issledovaniye* [Vepsian verb. Comparative study]. Petrozavodsk: Periodika, 2002. 286 p. In Russian.
- Zaytseva N. G.** Khristianskaya terminologiya v kontekste vepsskoi lingvistiki: vepsskoe vs russkoe (etimologičeskii i lingvogeograficheski aspekty) [Christian terminology in the context of Vepsian linguistics: Vepsian vs Russian (etymological and linguo-geographical aspects)]. *Jazyk i kul'tura*. № 48. Tomsk, 2019. Pp. 121–136. In Russian.
- Corpus – Corpus vepsskogoazyka*. URL: <http://vepsian.krc.karelia.ru/about/> (Last accessed: 21.01.2021). In Russian, in Vepsian.
- LAVYA – *Lingvisticheski atlas vepsskogoazyka* / pod red. N.G. Zaitsevoi. [Linguistic Atlas of the Vepsian language / ed. N. G. Zaitseva] – Sankt-Peterburg: Nestor/Istoriya, 2019. 573 p. In Russian.
- Nasibullin R. Sh.** *i dr. Dialektologičeskii atlas urdmurtskogoazyka*. [Dialectological atlas of the Udmurt language]. Izhevsk, 2009–2015. Iss. 1–5.
- SVYa – Zaytseva M. I., Mullonen M. I. Slovar' vepsskogoazyka* [Vepsian dictionary]. Leningrad: Nauka, 1972. 745 p. In Russian.
- SRNG – Slovar' russkikh narodnikh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects] – Moskva – Sankt-Peterburg: Nauka, 1965–2016. Iss. 1–49. In Russian.
- Strogalshchikova Z. I.** *Vepisy v etnokul'turnom prostranstve Evropeiskogo Severa* [Vepsians in the ethnocultural space of the European North]. Petrozavodsk: Periodika, 2016. 200 p. In Russian.
- Fedotova V. P.** *Deskriptivnie glagoli v karelskom yazike. Slovar'*. [Descriptive verbs in the Karelian language. Dictionary] Petrozavodsk: Periodika, 2002. 168 p. In Russian, in Karelian.
- Fon. IYALI KarNC RAN – Fonogramarhiv instituta yazika, literaturi i istorii Karelskogo nauchnogo centra RAN* [Phonogram archive of the Institute of Language, Literature and History of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. № 1304. II/3.

ALFE – Atlas Linguarum Fennicarum. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004, 2007, 2010. Vol. I–III. In Finnish.

EES – Eesti etimoloogiasõnaraamat. Koostanud ja toimetanud Iris Metsmägi, Meeli Sedrik, Sven-Erik Soosaar. Eesti Keele Instituut, Eesti Keele Sihtasutus. Tallinn, 2012. 792 p. In Estonian.

Häkkinen K. *Nykysuomen etymologinen sanakirja* – Juva : WSOY, 2007. 1633 p. In Finnish.

Kettunen L. *Suomen murteet.* Vol. I–III. Helsinki, 1930–1940. In Finnish.

Mägiste J. *Estnisches etymologisches Wörterbuch.* Helsinki, 1983. Vol. I–XII. In German.

Saareste A. *Eesti murdeatlas. Atlas des parlers estoniens.* Vol. I–II. Tartu, 1938, 1941. In Estonian.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1955–1981. Vol. I–VII. In Finnish.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000. Vol. 1–3. In Finnish.

VVS – Kettunen L. Vepsän verkkosanasto [Electronic resource] / L. Kettunen. – URL: <http://kaino.kotus.fi/sanat/vepsa/>. In Finnish, in Vepsian.

Zaiceva N. G. *Uz' vepsä-venälaine vajehnik.* Petrozavodsk: Periodika, 2010. 510 p. In Vepsian, in Russian.

Received 07.04.2021

Zaytseva Nina Grigoryevna,

Doctor of Philology Leading Researcher of the Institute of Language,
Literature and History of the Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
11, str. Pushkinskaya, Petrozavodsk, 185910, Republic of Karelia,
e-mail: zng@ro.ru

Zhukova Olga Juryevna,

Candidate of Philology, docent of the Department
Petrozavodsk State University,
33, Pr. Lenina, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation
e-mail: olgazhukovaveps@mail.ru